

ДОСТОЕВСКИЙ И РАННЯЯ НОВЕЛЛА
ИТАЛО ЗВЕВО «УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ БЕЛЬПОДЖО»

Итало Звево (1861—1928), итальянский новеллист, драматург и романист, занимает совершенно особое место в истории итальянской литературы. С 1880 г. Звево начал литературную деятельность как театральный, музыкальный и литературный критик, в 1888—1890 гг. он публикует свои первые новеллы, в 1892 и 1898 гг. выходят в свет два его романа: «Жизнь» (*Una vita*) и «Дряхлость» (*Senilita*). Но никакого успеха Звево в те годы не добился, и на 25 лет он прекращает печататься. Он получил признание сначала во Франции, затем в Италии, но лишь в конце жизни, после выхода в свет романа «Самопознание Дзено» (*La coscienza di Zeno*) в 1923 г.¹

Прижизненная безвестность Звево в Италии — факт до некоторой степени загадочный, если принять во внимание несомненные художественные достоинства ранних романов и многих новелл Звево. Причина, по-видимому, в том, что в Италии реализм в его классической форме не сложился: романтизм периода Рисорджименто сменился в конце XIX в. веризмом, в котором реалистические тенденции боролись с позитивистско-натуралистическими, далеко не всегда одерживая даже частичные победы. А такая черта итальянского веризма, как регионализм (областничество) связана, по-видимому, с тем, что ставшая в то время формально-юридически единой Италия далеко еще не достигла фактического (в частности, экономического и культурного) национального единства. И уже в 90-е годы на смену веризму пришло декадентство с его индивидуалистическим противопоставлением героя толпе. Поэтому не случайна, к примеру, эволюция Д'Аннуцио от веризма к декадансу, которая имела место на рубеже 90-х годов, т. е. в годы дебюта Звево-писателя.

Итало Звево уже в первых своих произведениях недвусмысленно отмежевывается от теории и практики веризма. Что же касается Д'Аннуцио, то к его художественной теории и практике с ее культом формы, риторикой и идеями о «сверхчеловеке» Звево всегда испытывал неприязнь.

Хотя местом действия всех романов и большинства новелл Звево, в том числе новеллы «Убийство на улице Бельподжо»,

¹ Звево И. Самопознание Дзено. Л., 1972; 2-е изд.; Л. 1980.

является его родной город Триест, бывший до 1918 г. частью Австро-Венгерской империи, в его творчестве совершенно нет областничества, свойственного многим веристам: проблемы, которые ставит и решает Звево, имеют общечеловеческое значение. Острая заинтересованность молодого писателя именно социальными аспектами изображаемых им жизненных явлений дистанцировала его новеллы от натурализма и от декаданса и сделала возможным и весьма плодотворным творческое освоение опыта классиков критического реализма. Именно «Убийство на улице Бельподжо» (1890)² обнаруживает много черт сходства с романами Достоевского — прежде всего с «Преступлением и наказанием». Этот факт уже отмечен в советской и итальянской критике,³ но без детального рассмотрения. К анализу как сходства, так и существенных отличий упомянутых произведений мы и намерены приступить. Речь пойдет именно о творческом освоении наследия Достоевского, ибо Звево не только и не столько подражал ему, сколько отображал социальные реаль-

² См.: Итальянская новелла XX века: Пер. с итал. М., 1969, с. 31—57. Пер. Я. Лесюка. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием страниц.

³ В сводном труде А. Gronia «La conoscenza del mondo slavo in Italia» (Padova, 1958) Звево упоминается один раз (р. 463) в общем списке писателей, на творчестве которых так или иначе сказалось влияние Достоевского; сопоставительного анализа здесь, однако, не дается. В книге А. М. В. Guarneri Ortolani «Saggio sulla fortuna di Dostoevskij in Italia» (Padova, 1947) освещается вопрос о влиянии Достоевского-романиста на Звево (р. 47—52), но о новелле «Убийство на улице Бельподжо» упоминаний нет, как и в обстоятельной статье И. П. Володиной «Достоевский и итальянская литература XIX—начала XX в.» (см.: Достоевский в зарубежных литературах. Л., 1978, с. 5—36).

В монографии видного триестинского ученого Бруно Майера, посвященной жизни и творчеству Звево (*Maier B. Italo Svevo. 2^a ed. Milano, 1968*) лишь в сноске (р. 174) вкратце указано на параллель «Раскольников—Джорджо». Упоминает о Достоевском в связи с новеллистикой Звево и Ц. Кин в предисловии к сборнику «Итальянская новелла XX века» (М., 1969, с. 12), в котором «Убийство на улице Бельподжо» впервые опубликовано в русском переводе. И лишь в книге Е. Ghidetti «Italo Svevo» (Roma, 1980) о влиянии Достоевского на новеллистику Звево написано несколько подробнее: «Звево в старости говорил, что его рассказ „Убийство на улице Бельподжо“ „не особенно интересен“. Писатель в этом рассказе, явно следуя в русле „полицейской“ литературы, дает триестинскую версию „Преступления и наказания“. Аморальный Джорджо, которому, как и Раскольникову, вполне удалось его преступление, вынужден вопреки инстинкту самосохранения признаться в преступлении, и не по причине раскаяния, а из-за чувства полной отъединенности от всех, овладевшего им после совершения убийства. В этой связи следует указать, что Достоевский, когда он еще предполагал вместить задуманное им „Преступление и наказание“ в рамки небольшого рассказа, имел в виду написать „психологический отчет одного преступления“. Это определение вполне подходит и для рассказа „Убийство на улице Бельподжо“ (р. 102—103, перевод с итальянского мой, — В. Б.). Э. Гидетти здесь не совсем точен. В цитируемом им письме Каткову от 10—15 сентября 1865 г. речь идет о замысле создания не рассказа, а повести листов в пять—шесть (см.: 28₂, 136). Кроме того, не только роман Достоевского, но и новеллу Звево нельзя без больших оговорок причислять к „полицейской литературе“».

ности Триеста 90-х годов, и похожие и непохожие на реальности Петербурга 60-х годов.

В новелле «Убийство на улице Бельподжо» описано убийство с целью ограбления, подробно показаны действия центрального персонажа в момент совершения преступления и в последующее время, вплоть до признания полиции и ареста. В повествовании отсутствует «детективный» элемент, читатель с самого начала знает, кто совершил преступление, поэтому все его внимание сосредоточено на психологии преступника. Хотя изображению «среды», социального фона отведено немало места, все же не «среда», а сам герой является ответчиком за свое преступление.

Сходство тематики, проблематики и формальных особенностей, как видим, налицо. Остановимся на частных, но существенных деталях, весьма многочисленных. Как Раскольников случайно узнал из подслушанного уличного разговора, что ста-руха «в такой-то день и час останется дома одна», так и Джорджо убивает своего собутыльника Антонио, используя случайное стечние обстоятельств: свидетелей не было, Антонио, сам отдал деньги, он был пьян и не оказал сопротивления. После убийства Джорджо «разорвал конверт, в котором лежала пачка банкнот, выбросил его, а деньги беспорядочно рассовал по карманам» (с. 32). Это очень напоминает сконструированную прокурором в «Братьях Карамазовых» картину поведения Мити после якобы совершенного им отцеубийства. Кроме следователя об этой подробности (разорванный конверт) упоминают Иван и Смердяков, Фетюкович и, наконец, сам повествователь. Разорванный и брошенный конверт как «психологическая улика» против убийцы — явное заимствование у Достоевского. Навеяны Достоевским и такие, к примеру, мысли и переживания Джорджо после убийства Антонио: «...никогда еще он не чувствовал себя таким сильным и собранным, готовым к борьбе и к бегству. Казалось, все его существо, взвинченное угрожавшей опасностью, мобилизовало свои силы, которые могли ему понадобиться в любую минуту» (с. 34). «Прежде чем произнести эти несколько слов, он придилично проверил в уме, не будут ли они свидетельствовать о том, что ему слишком многое известно о преступлении» (с. 44). «Джорджо казалось, что владевший им ужас был бы не так страшен, если бы он мог рассказать обо всем кому-нибудь» (с. 48). «Убийство как будто рассекло его жизнь на две части, и после преступления он вспоминал о своих прошлых мыслях, о своих прошлых чувствах, о том, каков он был раньше, как-то неясно, точно речь шла не о том, что он сам пережил, а о чем-то таком, про что ему рассказывали много-много лет назад» (с. 50).

Джорджо, как и Раскольников, читает газетные сообщения о совершенном им убийстве и примерно так же на них реагирует: «Никогда в жизни в нем не вызывал еще такого интереса газетный лист, никогда еще он не углублялся с таким вниманием в чтение: он забыл обо всем на свете» (с. 44). В новелле

Звево, как и в романе Достоевского, убийца обсуждает со знакомыми эти газетные сообщения, стараясь при этом не дать повода для подозрений и догадок: Отношение Джорджа к своим приятелям не только после, но и до убийства, также напоминает о Раскольникове: Звево пишет о пренебрежении, с которым Джордж «относился к привычкам и развлечениям своих товарищей. Сидя в остерии, они от души веселились, а Джордж входил туда как бы нехотя и все время молчал» (с. 38). Ср. у Достоевского: «Никогда до сих пор не входил он в распивочные...»; «Ни в общих сходках, ни в разговорах, ни в забавах — ни в чем он как-то не принимал участия» (6, 10, 43). Как мы помним, Раскольников — студент, оставивший занятия. Джордж причисляет себя к «образованным» и гордится этим, хотя «образование, которым он кичился, сводилось к двум классам лицея, причем, чтобы окончить их, ему пришлось затратить целых пять лет» (с. 38).

Многое в биографии Джорджа до совершения преступления тоже напоминает о Раскольникове: «Он пытался удержаться в порядочном обществе, как о том мечтала мать, но попытки эти оказались тщетными ...» Богатым он никогда не был, но одно время жил в таких условиях, когда мог мечтать, что положение его изменится к лучшему, и окружающие его люди, в первую очередь мать, мечтали об этом вместе с ним; без сомнения, эти мечты и горечь от сознания того, что они, видимо, так никогда и не сбудутся, послужили причиной гибели Антонио» (с. 39).

Одной из примет, по которым Джордж был опознан, была его мягкая фетровая шляпа. Стремясь отвести от себя подозрение, он хочет купить себе другой головной убор, но не решается совершить покупку и уходит из магазина с пустыми руками, чем лишь усиливает подозрения. Пытаясь уехать за границу, Джордж «выбрал третий класс не из экономии, а из осторожности: там его сильно понощенная одежда не привлекала бы внимания» (с. 34). Раскольников тоже ходил в сильно поношенной одежде; возглас «Эй ты, немецкий шляпник!» так смущил его, что он решил сменить «приметную» шляпу, но не сделал этого и в ней пошел к старухе (6, 7). Раскольников тоже подумывал о бегстве за границу — речь об этом шла в его диалогах со Свидригайловым и Порфирием.

Сны и видения Раскольникова и Свидригайлова играют немалую роль в романе Достоевского. То же и в новелле Звево: Джордж кажется, будто он видит на улице убитого им Антонио живым и невредимым, и он бежит ему навстречу, радуясь, что кончилось это ужасное «недоразумение». Но эта иллюзия, конечно, радует его лишь на несколько мгновений. Другое столь же недолговременное «видение» посещает Джорджа за несколько минут до ареста: «Он был во власти ужасной галлюцинации», ему чудился арест «именем закона» (с. 55—56). Наконец, внешность следователя, явившегося в жилище

Джорджо для обыска и ареста, напоминает облик Порфирия Петровича: это «невысокий и коренастый человек с добрым лицом» (с. 56).

Для главных персонажей и романа Достоевского, и новеллы Звево после убийства характерны неустойчивость психики, резкие перепады от состояния предельной внимательности к поведению окружающих и к собственным словам и жестам — к самоуглубленности, невниманию ко всему окружающему, полной апатии, стремлению к самоизоляции. Но Звево, в отличие от Д'Аннуцио, не изображает убийцу в радостном упоении своим «смелым вызовом старой морали». Раскольников, как известно, тоже не испытывал ничего подобного: он злился и досадовал на себя за это, видя причину в собственной «слабости». Трактовка психологии преступника у Звево в принципе та же, что и у Достоевского. Она качественно иная, нежели у Верги и других веристов, у которых социальная проблематика всегда связана с физиологией и, как правило, однозначно детерминирована ею. Достоевский высмеял подобные теории в образе Лебезятникова. В новелле «Убийство на улице Бельподжо» нет места полемике на литературно-теоретические темы, но Звево недвусмысленно выступил против веризма в романе «Жизнь», опубликованном двумя годами позднее. Не лишним будет в этой связи упомянуть, что веристская критика (Т. Карлетти, Л. Капуана) вообще предостерегала писателей-итальянцев от следования Достоевскому. Веристы считали, что психология, литературные герои другой страны — не для писателей-итальянцев: они ориентировали своих последователей на «расово более близкую» новейшую французскую литературу, прежде всего на романы Э. Золя.

Очевидно, психологизм Звево противостоит и преуущему мэтрам декаданса, начиная с Ницше, возвеличению «сверхчеловека», которому дозволено все, до убийства включительно, и которого это совершенно не смущает. Рассмотрим теперь, каковы различия в трактовке Достоевским и Звево темы убийства ради денежной выгоды и последствий такого поступка.

Если Раскольников — несомненно умный и нравственно сильный человек, ставший на ошибочный, губительный путь после долгой внутренней борьбы, то Джорджо психологически гораздо примитивнее, это слабый человек, возомнивший себя сильным, но его «хватает» только на миг. Убийство он совершает под влиянием мгновенного импульса, отсутствует предварительное обдумывание, «проба» и сочинение человекаубийственных «теорий». Джорджо совершает убийство не по «теории», а наоборот — по недомыслию: «Если бы его голова не была затуманена виннымиарами, он бы, конечно, не упустил из виду, что плодами преступления сразу не воспользовешься, что с этим делом еще не оберешься хлопот, а ведь по натуре он был человек вялый и пассивный, он без конца искал надежные пути и средства, он бы стал действовать только паверияка, иными

словами — никогда» (с. 33). В отличие от Раскольникова, Джорджо не только до убийства, но и после него не думает о нравственных проблемах. Так, он совершенно уверен, что «если ему удастся уехать — он спасен» (с. 33), более ему уже беспокоиться будет не о чем. Автор считает необходимым сделать здесь подстрочное примечание, что дело не так просто, как представляется герою, что существует конвенция о выдаче уголовных преступников.

Но уехать в Швейцарию Джорджо так и не решился. Внезапно совершенное им убийство сразу же повлекло за собой совершенно неожиданные для Джорджо волнения, страхи и опасения, поэтому на всем протяжении повествования он инстинктивно боится совершить любой другой поступок, будь то бегство в Швейцарию или даже покупка шляпы: а вдруг опять последствия окажутся неожиданными и нежелательными? Чувствуя, что его подозревают и за ним следят, Джорджо ищет аргументы в свое оправдание, хочет «спастись» от всеобщей ненависти, «объяснить мотивы преступления, добиться, чтобы оно не казалось другим таким свирепым» (с. 50). Он думает заявить, что совершил преступление «для того, чтобы избавить от нищеты свою старенькую маму <...> Джорджо не сомневался — ему нетрудно будет разжалобить судей» (с. 51).

Мотив «мать в нищете» взят у Достоевского, но переосмыслен: Раскольников ни до, ни после убийства не принимает всерьез этого аргумента и не настаивает на нем даже в беседах с Соней. Конечно, Раскольников не опускается и до иллюзорно-самоутешительных мыслей о том, что он смог бы убедить окружающих в своем праве убивать их по своему произволу ради избавления себя и матери от нищеты. Он пытался прожить «в одиночку», презирая «тварь дрожащую», но это оказалось ему не под силу. А разжалобить судей он не пытался даже после явки с повинной.

Напротив, Джорджо, судорожно фантазирующий насчет того, как он отдаст матери все деньги в обмен на ее сочувствие и понимание, неожиданно узнает, что она умерла неделю назад. Он думает: «До чего же некстати умерла старуха!» (с. 52). Более всего Джорджо огорчает не смерть матери, а крах сконструированной им для себя иллюзии, которая как-то поддерживала его существование после убийства. Еще одна попытка Джорджо ухватиться за иллюзию, отталкивая от себя факты, — его реакция на якобы встреченного им на улице Антонио: Джорджо «мигом поверил, что тот жив, что он, Джорджо, не убил его» (с. 53). Конечно, этот герой обречен на поражение в борьбе с полицией и судом. И действительно, если против Раскольникова нет бесспорных улик до момента его явки с повинной и в его виновности уверен один Порфирий, то против Джорджо есть бесспорные улики. Еще до ареста его подозревают знакомые, а накануне ареста всеобщее подозрение перерастает во всеобщую уверенность (с. 55—56).

Проблема нравственного выбора и нравственной ответственности в новелле Звево практически снята, налицоует лишь проблема уголовного преступления и уголовной ответственности. Все же в трактовке ее Звево далек от плоского буржуазного морализирования, от осуждения убийцы за убийство, не принимая во внимание «всякие там» мелочи и детали. Стиль Звево отличается вниманием к деталям и умением найти выразительные подробности при обрисовке как персонажей, так и бытового, социального фона. Джорджо — человек, живущий случайными заработками, его сожители и приятели еще менее образованы, чем он, у них нет навыка осмыслять в логических категориях собственный жизненный опыт. Диалоги и споры, которыми заполнены страницы «Преступления и наказания», в этой среде были бы немыслимы, и они отсутствуют в новелле. Нет у Джорджо присущего Раскольникову, как и его автору, умения вслушиваться в чужое слово и, учитывая как доводы, так и личность собеседника, выстраивать свою аргументацию. Джорджо и не пытается спорить со следователем, он сразу капитулирует перед ним. Убийство, подобное описанному в новелле, — это не единичный, исключительный случай: газеты, которые читает Джорджо, пишут о том, что эти случаи все учащаются. В целом социальный фон складывается у Звево в мрачную и неприглядную картину, и читатель вправе сделать вывод, что автору новеллы «Убийство на улице Бельподжо»лик мира сего тоже очень не нравится. Звево вообще очень далек от прокламируемой веристами бесстрастности, объективистского равнодушия к «изображаемому объекту», т. е. к герою. Излишне говорить, что автор вовсе не сочувствует убийству, но достоверность, с которой изображены поступки и переживания Джорджо, делают эту личность живым человеком, к которому нельзя отнестись равнодушно.

В отличие от Достоевского, искавшего решение социальных проблем на путях христианской любви и всепрощения, Звево всю жизнь был последовательным атеистом, что в Италии довольно необычно. Как и Достоевский, Звево в молодые годы искал решения социальных проблем на путях социализма, только не утопического, а научного. Об этом, в частности, свидетельствует рассказ-притча Звево «La tribù» («Племя»), опубликованный в 1897 г. на страницах итальянского социалистического журнала «Критика социале». Но Звево недолго удержался на этих позициях: разочаровавшись в социализме, он пришел к выводу о невозможности как-либо изменить к лучшему современную жизнь, которая «подточена в самых своих корнях».⁴ Пессимистически окрашена и новелла «Убийство на улице Бельподжо»: убийца сядет в тюрьму, но жизнь от этого не станет лучше ни на йоту, она будет все той же, с теми же причинами, которые породили это преступление и породят

⁴ Звево И. Самопознание Даено, с. 438.

другие. Звево не пытается заставить читателя поверить в будущее нравственное перерождение Джорджо и не оставляет никакой надежды на это.

Нежелание тешить себя какими бы то ни было иллюзиями, стремление к правдивому и точному изображению жизненных противоречий буржуазного общества, понимаемых как социальные, а не биологические, мастерство психологического анализа — все эти черты были неизменно присущи Звево. Конечно, новелла «Убийство на улице Бельподжо» — это произведение начинающего писателя; в более зрелой прозе Звево, особенно в его романах, нет столь явных и очевидных заимствований у Достоевского, столь бросающихся в глаза совпадений и параллелей. Однако бесспорно, что влияние Достоевского на Звево было сильным и постоянным. Это влияние, безусловно, сыграло решающую роль в том, что доминирующей тенденцией в творчестве Звево всегда оставался классический критический реализм. В те годы, когда в Италии видели решение всех проблем то в позитivistском следовании по пути, указанному естественными науками, то в прокламируемой декадентами слепой вере в сильную, гениальную «сверхличность», Звево не мог иметь успеха в своей стране. Он был понят и оценен по достоинству лишь в наше время.